

В. Воронцов

**Очерки крестьянского
хозяйства**

Статьи 1882-1886 годов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
В11

В11 **В. Воронцов**
Очерки крестьянского хозяйства: Статьи 1882-1886 годов / В. Воронцов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 276 с.

ISBN 978-5-458-55018-5

ISBN 978-5-458-55018-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АГРОНОМІЯ ¹⁾.

Цѣль человѣческаго общежитія — благосостояніе всѣхъ его членовъ. Достигается оно лучше всего путемъ равномѣрнаго распредѣленія между людьми благъ цивилизаціи, и такъ какъ трудъ есть тотъ факторъ, которому общество обязано всѣмъ существующимъ, а способность къ нему распредѣлена между людьми довольно равномѣрно, то естественно, что трудовое начало многими принимается за принципъ, на которомъ должно быть основано распредѣленіе матеріальныхъ благъ цивилизаціи.

И такъ, каждый да пользуется продуктами своего труда, ибо такимъ способомъ будетъ достигнуто упроченіе благосостоянія массы населенія—вотъ принципъ, долженствующій преобразовать экономическую организацію современныхъ обществъ и служащій руководящимъ началомъ, между прочимъ, для значительной части русской интеллигенціи. Прилагая его къ объекту, составляющему предметъ настоящей статьи — русскому земледѣльческому промыслу—мы получимъ слѣдующее частное выраженіе этой общей формулы: земледѣлецъ долженъ трудиться не на другихъ, а на самого себя; размѣры его владѣній должны быть таковы, чтобы по возможности занять всѣ рабочія силы семьи.

Относясь къ вопросу съ субъективно-соціальной точки зрѣнія, мы должны слѣдовательно признать, что мелкая земледѣльская культура въ Россіи должна быть не только освобождена отъ внѣшнихъ путъ, но и поддерживаема и даже расширяема до тѣхъ поръ, пока она сама собою, путемъ естественнаго развитія, не приметъ форму крупнаго производства на кооперативныхъ началахъ. Но, кромѣ соціальной точки зрѣнія, есть и другія, требованія которыхъ могутъ расходиться съ задачами, преслѣдуемыми первой; и въ такомъ случаѣ неизбежна сравнительная оцѣнка

¹⁾ „Отечественныя Записки“, 1882 г.

ихъ важности, въ результатъ чего можетъ явиться дополненіе или ограниченіе заключеній, исходящихъ изъ одного принципа, положеніями, вытекающими изъ другихъ. Такъ, многіе изъ тѣхъ, кто стоитъ за мелкое хозяйство, относясь къ вопросу съ агрикультурной точки зрѣнія, считаютъ, что крупное хозяйство можетъ быстрѣе двинуть русское земледѣліе по пути прогресса, и что, при свободѣ экономическаго развитія страны, оно уничтожитъ крестьянское производство. Требования агрономіи будутъ такимъ образомъ удовлетворены, промыселъ достигнетъ высокаго состоянія, но общество останется въ потерѣ, масса его членовъ опустится, вмѣсто того, чтобы подняться. Интересы агрономіи, однако, не такъ сильно завладѣли сознаніемъ нашей интеллигенціи, чтобы она рѣшилась принести въ жертву имъ социальныя цѣли, хотя, съ другой стороны, важность ихъ признается ею настолько, что она готова обставить извѣстными ограниченіями принципъ господства мелкой культуры. Это повело къ тому, что нѣкоторые публицисты признають пользу существованія рядомъ съ мелкимъ земледѣліемъ и крупной культуры но требуютъ, чтобы въ естественный процессъ агрикультурнаго развитія Россіи вмѣшались правительственныя и общественныя учрежденія съ цѣлью, во-первыхъ, способствовать прогрессу мелкаго крестьянскаго хозяйства, во-вторыхъ, оградить послѣднее отъ возможнаго краха при столкновеніи съ крупнымъ.

Комбинація социальной и агрономической точекъ зрѣнія на русскій сельско-хозяйственный промыселъ привела такимъ образомъ нѣкоторыхъ публицистовъ къ слѣдующему формулированію закона ближайшаго развитія нашей экономической жизни: крестьянинъ долженъ обладать землею въ размѣрахъ, способныхъ занять всѣ рабочія силы семьи, при интенсивной системѣ хозяйства; послѣдняя должна водвориться на его поляхъ, при живомъ участіи въ процессѣ со стороны правительственныхъ и общественныхъ учреждений. Передавая это положеніе кн. Васильчикова, мы здѣсь же должны сказать, что оно, по недоконченности своей, теряетъ всякое значеніе, какъ законъ. Эта формула не обнимаетъ крупнаго хозяйства, которое тѣмъ не менѣе предполагается процвѣтающимъ. А между тѣмъ, если рабочія силы крестьянъ все время будутъ заняты на собственномъ надѣлѣ, то кто же станетъ трудиться на поляхъ помещиковъ? Если же крупная культура прекратитъ вслѣдствіе этого свое существованіе и, такимъ образомъ, окажется много свободной земли для эксплуатаціи мелкими производителями, то во имя чего же послѣдніе предпримутъ дорого стоящій процессъ реорганизаціи промысла, если земли окажется достаточно для его веденія обычнымъ экстенсивнымъ способомъ?

Это противорѣчіе въ формулѣ кн. Васильчикова не уничтожаетъ ея принципа, удовлетворяющаго требованіямъ обѣихъ точекъ зрѣнія: субъективно-соціальной и объективно-агрономической. Принципъ этотъ разбивается на два положенія: крестьянину слѣдуетъ трудиться на себя самого, а не на другихъ, для чего въ его распоряженіи должно находиться соответствующее количество земли; производительность народнаго труда крайне низка, почему желательно, чтобы она была повышена.

Другое направленіе русской общественной мысли уклоняется отъ провозглашенія соціальнаго принципа, способнаго такъ или иначе освѣтить существующую экономическую организацію сельскаго хозяйства, и выдвигаетъ почти исключительно агрономическую сторону вопроса. Это направленіе можно назвать, пожалуй, практическимъ, но лишь за его узкость и отсутствіе философскаго, объединяющаго принципа; гораздо болѣе идетъ къ нему наименованіе помѣщичьяго, такъ какъ въ основѣ бьющей въ глаза безпринципности этого направленія лежитъ боязнь за крупное хозяйство, опасеніе, что оно не выдержитъ мало-мальски серьезной критики, если къ нему отнестись съ субъективной-соціальной точки зрѣнія. Однако же, это направленіе ново-помѣщичье неспособно распинаться за принципъ крупнаго землевладѣнія и видѣть въ немъ единственное спасеніе общества: приверженцы его люди настолько просвѣщенные и дальнорукіе, что не могутъ, вопреки очевидности, отрицать важнаго значенія въ русской жизни мелкаго земледѣлія; но при этомъ они еще такъ мало отрѣпились отъ презразудковъ, связанныхъ съ принадлежностью къ владѣльческому сословію, что не въ состояніи рѣшиться, сообразно естественному теченію дѣлъ, признать его несостоятельность, какъ класса, играющаго важную и незамѣнимую экономическую роль. Поэтому, при построеніи своей программы, указанное направленіе общественной мысли, касаясь весьма деликатно вопроса объ отношеніи другъ къ другу крупной и мелкой культуръ, старается не затрогивать аграрныхъ порядковъ, насколько въ нихъ замѣшанъ помѣщичій элементъ. Отсюда его философская безпринципность, здѣсь же и причина господства въ воззрѣніяхъ этой фракціи специально-агрономической стороны. Чтобы не запутаться въ противорѣчіяхъ адепты разсматриваемаго ученія, сочли наиболѣе удобнымъ поступать такимъ образомъ: безспорно признать право мелкой культуры на дальнѣйшее существованіе; отвергнуть присутствіе аграрныхъ недостатковъ, какъ явленія общаго и вытекающаго изъ тѣхъ способовъ которыми были достигнуто преобразование быта крестьянъ; выдвинуть на первый планъ агрикультурныя погрѣшности мелкаго хозяй-

ства и даже, если возможно, подкрѣпить ими принципъ крупнаго землевладѣнія.

И это направленіе, признающее мелкую культуру и общину, находится, подобно преждеуказанному, что, безъ внѣшней и довольно энергической помощи со стороны общества и правительства, крестьянское хозяйство не выйдетъ изъ теперешняго низкаго состоянія, что народъ будетъ продолжать разоряться, хозяйство его падать, а на развалинахъ послѣдняго (слѣдуетъ признать это по логическому теченію мысли) возвысится крупная культура. Отсюда грандіозный проэктъ «Руси» (собственно г. Шарапова) отдать руководство сельско-хозяйственнымъ дѣломъ въ руки правительства, взваливъ на его плечи и новыя сотни милліоновъ расходовъ; отсюда же и мизерненькое предпріятіе московскаго губернскаго земства для возвышенія культуры общинныхъ земель.

Два указанныя направленія общественной мысли имѣютъ ту общую черту, что, признавая низкое состояніе крестьянскаго земледѣлія, они считаютъ его неспособнымъ подняться самостоятельно и опасаются его гибели въ борьбѣ съ крупной культурой; отрицаютъ существованіе крупныхъ аграрныхъ недостатковъ въ организаціи русскаго землевладѣнія или, по крайней мѣрѣ, отводятъ имъ крайне второстепенную роль въ переживаемомъ нами всеобщемъ обѣднѣніи, сваливая всѣ бѣды на агрикультурные порядки и видя въ побѣдѣ агрикультурнаго принципа надъ аграрнымъ спасеніе страны.

Признаемъ, что они правы въ той части своего возрѣнія, на которой особенно настаиваютъ и которая служитъ исходной точкой при проэктированіи ими различныхъ плановъ. Пусть злобой сегодняшняго дня будутъ агрикультурные недостатки земледѣлія и необходимость ихъ измѣненій. Значить-ли это, что аграрные порядки должны остаться нетронутыми, что наука (агрономія) преодолѣетъ всѣ препятствія, стоящія на пути прогресса, что для нея безразлично, такъ или иначе распределена земля между крупнымъ и мелкимъ хозяйствами и, напротивъ, сама агрономическая точка зрѣнія не требуетъ-ли, чтобы прежде необходимыхъ агрикультурныхъ реформъ были сдѣланы соотвѣтствующія преобразованія въ аграрной организаціи страны?

Русскій земледѣльческій промыселъ отличается отъ западно-европейскаго многими, весьма характеристическими чертами. Такъ хотя крупное и мелкое хозяйство и образуютъ у насъ два различныхъ, нерѣдко противныхъ лагеря, но пользуются тѣмъ не менѣе однимъ и тѣмъ-же рабочимъ персоналомъ и орудіями производства. Батрацкое хозяйство, въ

полномъ смыслѣ этого слова, господствуетъ, какъ извѣстно, лишь въ остзейскихъ губерніяхъ, да отчасти въ западныхъ; въ остальной Россіи батрацкій трудъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ играетъ второстепенную роль, а главная масса работъ исполняется здѣсь трудомъ и инвентаремъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей. Въ свою очередь и послѣдніе, будучи необходимы для существованія крупнаго хозяйства доставляя ему трудъ и частью капиталъ, не могутъ и сами довольствоваться имѣющимися у нихъ средствами производства, и для поддержанія своего хозяйства вынуждены прибѣгать къ арендѣ помѣщичьихъ земель. Такимъ образомъ, крупная и мелкая культура въ Россіи находятся въ взаимной экономической зависимости. Но досрела-ли послѣдняя до полной солидарности, представляетъ-ли союзъ обѣихъ системъ хозяйства организованное цѣлое, отдѣльныя части котораго гармонически дополняютъ другъ друга, или обѣ культуры лишь механически связаны между собою и тянутъ въ разныя стороны, деморализируя одна другую и разрушая земледѣліе вмѣсто того, чтобы направлять его къ высшему типу—это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Подозрительнымъ кажется уже то, что рассматриваемые порядки унаследованы нами отъ крѣпостного права. При господствѣ послѣдняго, хозяйства крестьянъ и ихъ владѣльца, будучи двумя самостоятельными отраслями, въ то же время представляли изъ себя одну цѣльную организованную единицу. Помѣщичьи поля убирались крестьянами, которые, кромѣ своего надѣла, пользовались нѣкоторыми барскими угодьями и получали отъ помѣщика помощь въ затруднительныхъ случаяхъ. Такая организація, правда, зависѣла отъ доброй воли владѣльца, но самая воля опредѣлялась ничѣмъ инымъ, какъ экономическимъ расчетомъ: владѣльцу было не выгодно, если его крестьяне разорялись, если хозяйство послѣднихъ шло плохо; простой эгоизмъ заставлялъ его наблюдать, чтобы въ ихъ пользованіи находилось постоянно такое количество земли, какое было необходимо для правильнаго хода промысла. Въ свою очередь, онъ имѣлъ возможность потребовать отъ крестьянъ рабочую силу въ размѣрахъ, нужныхъ для обработки его собственныхъ полей; но и здѣсь онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы у крестьянъ оставалось время, достаточное для веденія ихъ хозяйства, такъ какъ иначе они разорились бы и потеряли бы способность обрабатывать барскую землю.

Такимъ образомъ, территорія крупнаго и мелкаго хозяйства во времена крѣпостнаго права представляла цѣльную хотя и сложную единицу въ экономическомъ и агрономическомъ отношеніяхъ; она распределялась

между обѣими культурами до извѣстной степени цѣлесообразно, по плану, который обезпечивалъ интересы той и другой стороны. То же самое мы должны сказать и о рабочей силѣ. Мелкое и крупное производства находились между собою въ ясныхъ, определенныхъ отношеніяхъ, поддерживали и дополняли другъ друга.

Крѣпостное право рухнуло, но пока лишь съ юридической и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, сельско-хозяйственные-же порядки остались прежніе, дореформенные; причемъ они потеряли свое естественное основаніе, утратили тѣ именно черты, которыя придавали имъ характеръ цѣлесообразности, которыя дѣлали возможнымъ спокойное устойчивое существованіе земледѣльческаго промысла въ формахъ, выработанныхъ предыдущей жизнью.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на современную организацію русскаго сельско-хозяйственнаго производства. При освобожденіи, крестьяне лишлись части земель, находившихся въ ихъ исключительномъ владѣніи въ крѣпостныя времена; кромѣ того, они потеряли право пользоваться нѣкоторыми угодьями владѣльца, которыя были необходимы для веденія ихъ хозяйства. Такимъ образомъ, территорія послѣдняго была расчленена на двѣ части, изъ которыхъ одна осталась у крестьянъ, другая — у владѣльца. Крестьяне не могли продолжать вести промыселъ исключительно на своемъ обрѣзанномъ надѣлѣ: но отношеніе къ ихъ судьбѣ хозяина послѣднихъ измѣнилось. Онъ уже не былъ заинтересованъ въ ихъ благосостояніи и не считалъ въ своихъ интересахъ непременно отдать въ пользованіе крестьянъ нужную имъ землю на условіяхъ, которыя не были бы для нихъ разорительны. Съ другой стороны, и самъ онъ потерялъ тотъ рычагъ, который служилъ для обезпеченія его хозяйства рабочей силой, въ размѣрахъ, какіе онъ признавалъ нужными; теперь онъ не можетъ строить сельско-хозяйственнаго плана навѣрняка, не можетъ потребовать на работу столько-то людей, столько-то лошадей; въ этомъ онъ находится въ зависимости отъ согласія работающихъ, которые, между тѣмъ, съ освобожденіемъ отъ помѣщичьей неволи, избавились отъ обязательнаго труда на мѣстѣ и получили возможность выбирать между работой на своего прежняго владѣльца, на другого сосѣдняго и полнымъ уходомъ на сторону. Если-бы реформа имѣла только перечисленные послѣдствія — мыслимо предположить, что обѣ стороны, понявъ взаимную зависимость, путемъ свободнаго соглашенія, пришли-бы къ организаціи, подобной той, какая существовала при крѣпостномъ правѣ, въ силу авторитета помѣщика. Но въ томъ то и дѣло, что юридическое освобожденіе личности крестьянина сдѣлалось исходнымъ пунктомъ массы перемѣнъ, какъ въ экономическомъ

строѣ общества, такъ и въ быту и воззрѣніяхъ всѣхъ его классовъ. Прежняя опредѣленность и устойчивость положенія исчезла; и помѣщики, и крестьяне потеряли увѣренность, что отношенія, существующія между ними сегодня, сохраняются на завтра. Дворянское хозяйство пошатнулось, помѣщичья земля вынесена на рынокъ, гдѣ она дробится, опять соединяется, переходитъ изъ рукъ въ руки. Каждое такое измѣненіе въ помѣщичьемъ землевладѣніи отражается и на крестьянскомъ хозяйствѣ; новый владѣлецъ приноситъ съ собой и новый селско-хозяйственный планъ, и иное отношеніе къ мелкимъ производителямъ; начинаетъ больше или меньше утѣснять ихъ, пользуясь нуждой въ его землѣ. Даже простая смѣна управляющаго, по той же причинѣ, имѣетъ огромное значеніе для крестьянъ. Они только что, напримѣръ, стали прилаживаться къ новому положенію, вошли въ извѣстные соглашенія съ экономіей, обезпечили свое хозяйство нужными угодьями, отдавая за нихъ трудомъ или деньгами, какъ вдругъ мѣняется одно лицо, и только что возникшая организація рушится, мелкое производство опять теряетъ подъ собой почву. Особенно печально положеніе крестьянъ, когда сосѣдній владѣлецъ затѣветъ въ широкихъ размѣрахъ улучшеніе своего хозяйства. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, напримѣръ, есть д. Городчаково, имѣющая всего 1,5 десятины надѣла на душу. Недостающую землю (пахатную и сѣнокосную) крестьяне арендовали у сосѣдней помѣщицы, скотъ свой пасли на ея-же пастбищѣ. На бѣду земледѣльцевъ, въ Московской губерніи дѣйствуетъ агрономъ, обуреваемый страстью улучшать помѣщичьи хозяйства и посвятившій этому свои силы. Выборъ его, наконецъ, палъ на имѣніе, землей котораго пользовались крестьяне д. Городчаково. Взявъ его въ свое управленіе, онъ въ интересахъ возвышенія селско-хозяйственной культуры, отнялъ у крестьянъ пашню, выгонъ и утроилъ арендную плату за покосъ, словомъ, привелъ крестьянъ въ положеніе, близкое къ разоренію. «Случаи подобнаго вліянія улучшенной системы эксплуатаціи частныхъ земель встрѣчаются (въ Московской губерніи) не въ единственномъ числѣ, но для уясненія дѣла достаточно и одного примѣра». Въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, съ развитіемъ интенсивнаго хозяйства на помѣщичьихъ поляхъ, все болѣе сокращается сдача владѣльцами крестьянамъ въ аренду выгона. А каково крестьянамъ безъ выгона, показываетъ примѣръ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, гдѣ крестьяне вынуждены выгонять весной скотъ на озими и луга, рискуя, что посѣвъ и молодая трава будутъ въ большей или меньшей степени выбиты ¹⁾).

¹⁾ Сб. стат. свѣд. по Моск. губ., т. V, вып. 1, с. 162—3. Землед. газ. 1881, 15. Ibid. № 16.

Въ последнее время наши публицисты не мало переломили копій изъ-за вопроса: долженъ ли надѣлъ, крестьянина по мысли законодателя, обеспечивать всё его потребности и уплату податей, или часть того и другого должна падать на посторонніе заработки. Такъ какъ этотъ вопросъ подымается не историками, а публицистами и не ради его научнаго интереса, а по практическому значенію, по тому вліянію, какое будетъ имѣть то или иное его разрѣшеніе на распредѣленіе землевладѣнія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, на освѣщеніе существующаго, то, по нашему мнѣнію, для уясненія дѣла важнѣе было бы рѣшить другой вопросъ: получили-ли крестьяне (это относится не только къ помѣщичьимъ, но, хотя въ меньшей степени, и къ государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ) различныя угодья въ такихъ относительныхъ размѣрахъ, что они могутъ вести на своемъ, хотя-бы и маленькомъ надѣлѣ, самостоятельное хозяйство по господствующей системѣ; или, при надѣленіи крестьянъ землею, хозяйственное распредѣленіе угодій игнорировалось и они были лишены земель, важныхъ для нихъ не только въ экономическомъ, но и агрикультурномъ отношеніи? Задавшись такимъ вопросомъ, мы бы вспомнили, что отъ крестьянъ очень часто нетолько отошли луга и другія необходимыя для ихъ хозяйства земли, но что они не обезпечены въ пользованіи другими не менѣе важными угодьями (лѣсомъ, выгономъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сѣнокосомъ), которыми они при крѣпостномъ правѣ владѣли сообща съ помѣщиками. А насколько это имѣло мѣсто, видно изъ того, что недостатки существующаго экономическаго устройства крестьянъ заключаются не только въ малой величинѣ надѣловъ, но также и въ томъ, что территорія надѣла составляетъ лишь часть угодій, необходимыхъ для веденія промысла, даже въ размѣрахъ, въ какихъ онъ существовалъ до реформы. Поэтому аренда извѣстной части владѣльческихъ земель крестьянами вызывается не стремленіемъ ихъ расширить запашку; арендуемыя угодья составляютъ жизненную необходимость мелкаго хозяйства; безъ нихъ крестьянское земледѣліе должно съзультъ даже сравнительно съ прежними размѣрами, несмотря на то, что приращеніе населенія требуетъ непремѣннаго его расширенія. Но аренда не есть нормальный выходъ изъ затруднительнаго положенія, связаннаго съ нерациональнымъ распредѣленіемъ землевладѣнія; она чрезвычайъ случайна, такъ какъ обуславливается нетолько сельско-хозяйственными интересами крестьянина, но и волею владѣльца нужныхъ последнему угодій. Дабы обезпечить правильный ходъ мелкаго земледѣльческаго промысла нужно гарантировать крестьянину безспорное пользованіе, по крайней мѣрѣ, тѣми угодьями,

которыя необходимы ему въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, т. е. которыя составляютъ дополненіе къ пашнѣ, полученной имъ при освобожденіи, и которыя такъ или иначе находились въ его распоряженіи во времена крѣпостного права. Это minimumъ требованій, какія можно предъявить во имя мелкой культуры, и если постановка вопроса о приобрѣтеніи крестьянами земель на указанномъ основаніи не отличается особенной широтой, за то она характеризуется достаточной опредѣленностью, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ легко рѣшить, сколько и какихъ угодій нужно приобрѣсти тому или другому крестьянскому обществу. Сдѣлавъ распорядителемъ этихъ угодій мелкаго производителя, мы, если и не развиваемъ дальше основныхъ положеній законодательнаго акта 19 февраля, то, по крайней мѣрѣ, исправляемъ его главныя ошибки.

Итакъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости связано было съ ломкой мелкаго земледѣлія. Но если-бы мы пожелали точнѣе опредѣлить размѣръ разстройства крестьянскаго хозяйства, происшедшаго послѣ реформы, и зависимости, въ какую оно стало отъ крупнаго землевладѣнія, то встрѣтили-бы на этомъ пути непреодолимыя затрудненія. Для рѣшенія этого вопроса намъ слѣдовало-бы знать количество земли, которую крестьяне когда-то пользовались. Сюда относятся какъ земли, находившіеся въ ихъ единственномъ владѣніи во времена крѣпостного права и отошедшія къ помѣщику на основаніи закона о maximum'ѣ надѣла, такъ и угодья, которыми они пользовались вмѣстѣ съ помѣщикомъ (у барщинныхъ) или которыя находились внѣ района собственно крестьянскаго надѣла (у оброчныхъ). Эти послѣднія земли составляли столь-же необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, какъ и первыя, и лишеніе ихъ было особенно чувствительно для оброчныхъ крестьянъ черноземной полосы, которые пользовались большей половиной, а не рѣдко и всей землей имѣнія. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду лишенія крестьянъ лѣса (который весь почти остался у владѣльцевъ) и связаннаго съ этимъ сокращенія побочныхъ доходовъ земледѣльца; мы говоримъ исключительно о полевомъ хозяйствѣ и объ угодьяхъ, необходимыхъ для послѣдняго. Отъ размѣровъ же этихъ угодій зависѣло то или другое количество скота, слѣдовательно, болѣе или меньшій урожай хлѣба.

Вотъ этихъ-то данныхъ у насъ и нѣтъ, и врядъ-ли когда нибудь онѣ будутъ въ полномъ объемѣ. Начать съ того, что свѣдѣнія объ отрѣзкахъ отъ надѣловъ крестьянъ при ихъ освобожденіи нигдѣ не опубликованы; даже немногія наши земскія статистическія изданія нашли излишнимъ отвѣтить болѣе или менѣе обстоятельно на поставленный во-

прось. Не говоря уже о цифровомъ матеріалѣ—у насъ нѣтъ и систематическихъ словесныхъ указаній на степень распространенія интересующаго насъ явленія. Хотя Высоч. учрежденная Комиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи могла-бы собрать объ этомъ что-либо и, по прямому смыслу своей задачи, должна была сдѣлать это, ибо иначе остаются неясными причины и размѣры разстройства крестьянскаго хозяйства послѣ реформы, тѣмъ не менѣе надлежащихъ вопросовъ объ этомъ экспертамъ сдѣлано не было, и указанія на рассматриваемое нами теперь явленіе они могли дать, только отвѣчая на другіе подходящіе вопросы, напр.: нанимаютъ-ли крестьяне отдѣльные угодья; обезпечиваетъ-ли надѣлъ существованіе крестьянъ, и т. п. Поэтому въ трудахъ названной комиссіи мы встрѣчаемъ по данному вопросу лишь нѣсколько случайныхъ заявленій. Такъ, о Симбирской и Казанской губерніяхъ мы узнаемъ, что крестьяне арендуютъ преимущественно луга, «въ которыхъ они особенно нуждаются, потому что въ ихъ надѣлахъ въ большинствѣ случаевъ преобладаютъ пахатныя земли»; иначе говоря; потому, что они не получили луговъ, необходимыхъ по размѣрамъ запашки. Тотъ же экспертъ объясняетъ упадокъ въ названныхъ мѣстностяхъ скотоводства тѣмъ, что «съ ограниченіемъ крестьянскаго надѣла и съ переходомъ къ инымъ способамъ обработки, владѣльцы, не побуждаемые больше собственнымъ интересомъ къ поддержкѣ крестьянскаго скота, стали распахивать свои излишнія пастбищныя земли, не приносящія имъ примаго дохода. Крестьяне, которые смотрѣли на выгонное право, какъ на право безвозмездное, неохотно соглашались нанимать землю подъ выгонъ»; значитъ, крестьяне прежде имѣли выгонъ (общій съ помѣщикомъ), а теперь лишились его. «Трехъ десятинъ надѣла въ Московской и Орловской губерніяхъ положительно недостаточно для крестьянъ, говоритъ другой экспертъ. Въ этихъ двухъ мѣстностяхъ крестьяне очень нуждаются въ выгонахъ «и нанимаютъ ихъ у владѣльца за работу». Естественно предположить, что начинаемымъ теперь выгономъ крестьяне до своего освобожденія пользовались сообща съ помѣщикомъ или отдѣльно отъ него. Въ Самарской и Симбирской губерніяхъ «въ 1861 году въ надѣлъ крестьянамъ пошла большею частью пахатная земля, а луговая въ той-же пропорціи отъ нихъ отошла». Помѣщикъ Петербургской губерніи прямо заявляетъ: «крестьяне въ видѣ найма пользуются у меня тѣми-же угодьями, которыя были у нихъ при крѣпостномъ состояніи и за это отбываютъ мнѣ извѣстное количество работъ». Изъ Уфимскаго уѣзда заявляютъ: «фактъ общій не только для нашего уѣзда, но и для всей